

СТАТЬИ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ УЧЕТНОЙ ЗАПИСИ: ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ВИРТУАЛЬНОГО ОБЪЕКТА ПРАВА

В. О. Панин^{1,2}

¹Институт государства и права Российской академии наук
119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10

²Юридическая компания «К12»
125375, Россия, Москва, ул. Тверская, 14

Аннотация

Статья посвящена исследованию недостаточно разработанных в отечественной юридической науке вопросов о правовой природе учетной записи в информационной системе (на примере социальных сетей), а также о правовом статусе лица, имеющего законный интерес в защите принадлежащих ему учетных записей. На практике для обозначения субъекта, обладающего контролем над учетной записью, используются термины «пользователь», «обладатель», «участник», «правообладатель», «собственник» и пр. Цель исследования — сформулировать научно обоснованный вывод о правовой природе прав субъектов в отношении учетных записей как распространенного вида виртуальных объектов, а также рассмотреть особенности их правового режима. Автором рассмотрены существующие в науке подходы к определению правового режима учетной записи как объекта информационных и (или) гражданских правоотношений. С учетом анализа правоприменительной практики Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германия по вопросу принадлежности прав на учетную запись в социальной сети сделаны выводы о двойственной природе учетной записи как виртуального объекта. При проведении исследования использовались как общенаучные (анализ, синтез, аналогия), так и частнонаучные методы (сравнительно-правовой, формально-юридический методы). Принимая во внимание текущее состояние информационного и гражданского законодательства Российской Федерации, автор предлагает изменения в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», направленные на устранение существующего правового пробела и внесение определенности в общественные отношения, связанные с использованием учетных записей в социальных сетях. Делает вывод о том, что учетная запись является объектом информационных правоотношений — цифровыми данными, информационные правомочия в отношении которых (например, право обладания и право на предоставление доступа к учетной записи) в условиях экономики данных и цифровой экономики приобретают характеристику имущественных прав для целей участия в гражданском обороте. Полученные результаты могут быть использованы в законодательной и правоприменительной деятельности, в том числе при разрешении споров, связанных с принадлежностью учетных записей, а также при исследовании правовой природы иных разновидностей виртуальных объектов (цифровых валют, доменных имен и пр.).

Ключевые слова

виртуальные объекты, цифровые активы, цифровые данные, информация, учетная запись, обладатель информации, право собственности, цифровое право, социальные сети

Конфликт интересов

Автор сообщает об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование

Исследование не имеет спонсорской поддержки.

Для цитирования

Панин, В. О. Правовой режим учетной записи: юридические подходы к определению виртуального объекта права. *Цифровое право*, 6(3), 67–93. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-3-67-93>

Поступила: 19.07.2025, принята в печать: 28.08.2025, опубликована: 30.09.2025

ARTICLES

LEGAL REGIME OF ACCOUNT: APPROACHES TO DEFINING A VIRTUAL OBJECT OF LAW

Valerii O. Panin^{1,2}

¹The Institute of State and Law of The Russian Academy of Sciences
10, Znamenka St., Moscow, Russia, 119019

²K12 Law Firm
14, Tverskaya St., Moscow, Russia, 125375

Abstract

This article examines issues that have been insufficiently developed in Russian jurisprudence concerning the legal nature of accounts in information systems (on the example of social networks) and the legal status of persons who have a legitimate interest in protecting their accounts. In practice, various terms such as “user”, “owner”, “participant”, “rights holder”, “proprietor”, etc. are used to refer to the entity that controls an account, which serves as a common type of virtual object. In setting out to formulate a scientifically sound conclusion about the legal rights of account subjects, we consider the features of their legal regime. Existing approaches to defining the legal regime of an account as an object of information and/or civil legal relations are analyzed in the light of law enforcement practice in the United States of America and the Federal Republic of Germany concerning social network account ownership to draw conclusions about the dual nature of accounts as virtual objects. The study is based on general (analysis, synthesis, analogy) and specific methods (comparative legal and formal legal approaches). Proposed amendments to Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On Information, Information Technologies, and Information Protection” are aimed at eliminating the existing legal gap and bringing certainty to public relations related to the use of social media accounts. It is concluded that an account is an object of legal relations and digital data, the information rights to which (e.g., right of ownership and access to the account) acquire the characteristics of property rights in the context of the digital data economy for the purposes of participation in civil circulation. The results obtained can be used in legislative and law enforcement activities, including in the resolution of disputes related to the

ownership of accounts, as well as in the study of the legal nature of other types of virtual objects (digital currencies, domain names, etc.).

Keywords

virtual objects, digital assets, digital data, information, account, information holder, property right, digital right, social media

Conflict of interest	The author declares no conflict of interest.
Financial disclosure	The study has no sponsorship.
For citation	Panin, V. O. Legal regime of account: Approaches to defining a virtual object of law. <i>Digital Law Journal</i> , 6(3), 67–93. https://doi.org/10.38044/2686-9136-2025-6-3-67-93

Submitted: 19 July 2025, accepted: 28 Aug. 2025, published: 30 Sep. 2025

Введение

Существующий опыт построения виртуальных игровых вселенных показывает, что между их пользователями чрезвычайно широко распространены отношения, связанные со сделками по отчуждению объектов виртуального мира. С точки зрения обычного пользователя функционал подобных виртуальных миров предоставляет ему возможность продать, купить либо подарить определенные объекты. В качестве примера можно привести торговую площадку виртуального мира *Second Life* (<https://marketplace.secondlife.com/>). Аналогичная ситуация и в иных многопользовательских виртуальных мирах¹.

Как указано в аналитическом отчете консалтинговой компании *Verified Market Research*², основные области, в которых осуществляется оборот виртуальных товаров — это социальные сети, виртуальные миры (например, *Second Life*) и многопользовательские игры (например, *Dota 2*, *League of Legends* и др.). К перечню виртуальных миров необходимо также отнести децентрализованные среды *Sandbox*, *Decentraland*, *PlanetIX* и т.п. При этом разграничение виртуальных миров и многопользовательских игр не совсем корректно, так как указанные категории соотносятся как общее и частное³.

В литературе поднималась проблема, связанная с определением места, которое занимают в правовой системе права пользователей (участников) виртуальных сред в отношении создаваемых, используемых и отчуждаемых виртуальных ценностей. По нашему мнению, такие правомочия не относятся к сфере интеллектуальных прав, а применение лицензионной модели к отношениям сторон искусственно (Panin, 2022, p. 52).

¹ Decentraland. Terms of Use ¶¶ 1–2, § 12.4. <https://decentraland.org/terms/>; Planet IX. Terms & Conditions. <https://netempire.planetix.com/legal>

² Verified Market Research. (n.d.). *Virtual goods market: Size, forecast, and trends*. Retrieved 2026, February 2, from <https://www.verifiedmarketresearch.com/product/virtual-goods-market/>

³ Многопользовательские игры с оборотом виртуальных предметов, который в официальной плоскости осуществляется посредством торговой площадки, организованной правообладателем виртуального мира, представляют собой одну из разновидностей виртуальных миров. Другой разновидностью выступают виртуальные среды, называемые «песочницами» (*sandboxes*), к числу которых следует отнести виртуальный мир *Second Life*.

В настоящее время существует объективная потребность в научной разработке вопроса о правовом режиме виртуальных ценностей (объектов)⁴. С учетом их информационно-правовой природы целесообразно использовать инструментарий науки информационного права⁵ для поиска подходящих правовых решений и развития научной дискуссии по данному вопросу. При этом необходимо учитывать текущее состояние информационного законодательства.

Специалистами в области информационного права неоднократно отмечалось, что в настоящее время информационное законодательство испытывает трудности, связанные с отсутствием взаимосвязанного нормативного понятийного аппарата, в рамках которого специальные категории берут начало в понятиях более общего порядка. В частности, В. Б. Наумов обоснованно указывает, что актуальная редакция Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ (далее — Закон об информации) использует различные категории в отношении информационной сферы: общее понятие «обладатель информации», которое должно быть системообразующим в рамках информационного законодательства, в нем фактически отсутствует, а в законодательных новеллах, напротив, употребляется термин «владелец» применительно к сайтам в сети Интернет, новостным агрегаторам и программам для электронно-вычислительных машин (Naumov, 2018, pp. 32–39).

Так, В. Б. Наумов подчеркивает, что одним из крупных достижений науки информационного права в начале 2000-х гг. был отказ от использования терминов «собственник» и «владелец» информации, которые существовали в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»⁷, посредством их замены на «обладателя информации» и «лицо, которому предоставлен доступ к информации». В настоящее время указанный результат фактически оказался утраченным (Naumov, 2018, pp. 33–34).

К сходным выводам об отсутствии терминологического единства в информационном законодательстве приходит Л. К. Терещенко, которая указывает на фундаментальное, с ее точки зрения, противоречие, заключающееся в следующем. В 2020 г. в Конституцию РФ было внесено понятие «оборот цифровых данных», содержание которого не было раскрыто на уровне отраслевого законодательства⁸. При этом термин «оборот» указывает прежде всего на экономическую составляющую операций с такими данными. С точки зрения Л. К. Терещенко, необходимо определить, включает ли смысловое множество «информация» в качестве составной

⁴ Под виртуальным объектом в настоящей статье понимается совокупность данных, часть информационной системы, имеющая реальную экономическую ценность (например, учетная запись, доменное имя, виртуальная валюта, цифровая валюта, внутриигровые предметы и пр.).

⁵ При проведении исследования автор руководствовался теоретическими положениями научной школы информационного права, сформированной в рамках Института государства и права РАН (основоположник — И.Л. Бачило). С позиций данной научной школы под информационным правом понимается комплексная отрасль российского права, регулирующая общественные отношения в области оборота информации (сбора, создания, хранения, распространения, использования и проч.) (далее — информационные правоотношения). В предмет информационно-правовых научных исследований включены вопросы правового режима информации, в том числе информационных объектов, вопросы правового статуса субъектов информационных отношений (например, пользователей социальных сетей), доступа к информации и др. См.: Bachilo et al., 2017; Polyakova & Troyan, 2025.

⁶ Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, Собрание законодательства РФ, № 31, 2006 г., ст. 3448 (часть I).

⁷ Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ, Собрание Законодательства РФ, № 8, ст. 609.

⁸ См. п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации, принятый всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020, http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102027595#10

части «цифровые данные» или в современных технологических реалиях они являются новой правовой категорией, отличной от «информации» (Tereshchenko, 2022, pp. 102–104).

К более решительным выводам приходят А. В. Минбалеев и Е. В. Холодная в разработанном ими проекте Концепции правового регулирования метавселенных, а именно, что цифровые данные являются ключевым активом в условиях экономики данных и метавселенной и требуют отдельного законодательного регулирования путем включения в нормативные акты определения цифровых данных и правовых режимов оборота разных типов данных⁹. Е. В. Холодная отдельно подчеркивает необходимость защиты «права собственности» на объекты, созданные с использованием метавселенных (Kholodnaya, 2024, p. 119).

Признание в научных исследованиях экономической составляющей данных и их квалификуцию в качестве актива и товара следует поддержать. Подобный подход соответствует современным тенденциям развития сети Интернет, к числу которых относят ориентацию на данные, наделение пользователей элементами владения в отношении виртуальных ценностей, которые они создают и используют, предоставление им возможности управления данными (Krause, 2024, pp. 1–10).

Обозначим, что указанные вопросы находятся на пересечении информационного права и гражданского права, причем последнее в силу отраслевой принадлежности должно регулировать отношения, связанные с экономическим обменом, в том числе осложненным информационно-технологическим элементом. Однако цивилистической науке в отрыве от информационно-правовой составляющей не всегда удается однозначно разрешать возникающие правовые коллизии, что можно проследить на примере продолжающихся дискуссий о правовой природе бездокументарных ценных бумаг, цифровых финансовых активов, доменных имен и пр.

Анализ пользовательских соглашений и иных документов, заключаемых с пользователями (участниками) виртуальных сред, демонстрирует, что субъекты соответствующих отношений обозначаются терминами: «собственник», «владелец», «обладатель», «правообладатель», «пользователь», «участник»¹⁰. Кроме того, существуют различные виды виртуальных объектов: доменные имена, учетные записи в информационных системах (прежде всего социальных сетях), наименования учетных записей, цифровые валюты, виртуальные валюты, электронные денежные средства, внутриигровые предметы, иное виртуальное имущество, аватары и пр. Выявление общих черт регламентации соответствующих феноменов — одна из задач юридической науки в условиях развития экономики данных.

По утверждению П. У. Кузнецова, информация представляет собой фундаментальную правовую категорию, разновидности которой (именуемые исследователем отдельными элементами правовой структуры информации), например компьютерная информация, электронный документ, информационно-коммуникационная среда (ИКТ-среда) (как макрообъект¹¹), имеют самостоятельное юридическое значение (Kuznetsov, 2005, p. 11).

⁹ Минбалеев, А. В., & Холодная, Е. В. (2024, июль). Проект концепции правового регулирования метавселенных. МГЮА https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_6-Koncepciya-regulirovaniya-metavselennyh.pdf

¹⁰ Alien Worlds, *Terms of Use*, <https://alienworlds.io/terms-of-use/>; Decentraland. *Terms of Use* ¶¶ 1–2, § 12.4. <https://decentraland.org/terms/>; Planet IX. *Terms & Conditions*. <https://netempire.planetix.com/legal>

¹¹ Отдельные исследователи, например А. А. Стрельцов, подчеркивают, что ИКТ-среда как объект правового регулирования представляет собой юридическую фикцию, в соответствии с которой системе технических средств приписывают свойства суверенной территории для распространения на связанные с ней общественные отношения государственного суверенитета (Strel'tsov, 2019, p. 8).

С учетом широты исследуемой сферы, принимая во внимание вышеобозначенные противоречия в областях как информационного, так и частного права (и во избежание их усиления), с методологической точки зрения целесообразно последовательно рассмотреть вопросы регулирования отдельных разновидностей виртуальных объектов с целью получения достоверного научного знания об их правовой природе.

Настоящая статья посвящена анализу одного из распространенных виртуальных объектов — учетной записи в информационной системе (социальной сети, многопользовательской виртуальной среде и пр.), в отношении которой в отдельных юрисдикциях сформирована правоприменительная практика, анализ которой позволит сформулировать выводы относительно подходов к определению правового режима такого объекта, а также о наиболее подходящем термине для обозначения лица, которому принадлежит контроль над ним.

Кроме того, учетные записи как объект имеют не только самостоятельную ценность (применительно к социальным сетям), но и используются для учета иных виртуальных ценностей и обеспечения доступа к ним (например, к внутриигровым предметам, виртуальным и цифровым валютам и др.), в связи с чем полученные выводы могут иметь значение для научной разработки правового режима виртуальных объектов в целом.

Правовая природа учетной записи с точки зрения отечественной юридической науки

В науке гражданского права распространена точка зрения, в соответствии с которой учетная запись (аккаунт) не является объектом правовых отношений и объектом гражданских прав, представляя собой всего лишь часть функционала сайта социальной сети как сложного и составного объекта интеллектуальных прав¹². Данная концепция ставит на первое место внутреннюю структуру объектов гражданских прав, фактически игнорируя международно-правовые тенденции обновления каталога прав человека применительно к ИКТ-среде, например право человека на цифровое (виртуальное) наследие, под которым понимается свободное определение судьбы данных и учетных записей, принадлежащих физическому лицу¹³.

Иной точки зрения придерживается К. С. Митягин, рассматривающий учетную запись и страницу в социальной сети как результат интеллектуальной деятельности пользователя. Автор указывает, что для целей правовой охраны интересов создателя учетной записи возможна ее квалификация в качестве сложного объекта, составного произведения или базы данных (Mityagin, 2014). К. С. Митягин обоснованно отмечает, что в современных реалиях учетные записи в социальных сетях могут использоваться в коммерческих целях, являются «сетевыми местами скопления адресатов рекламы» (2014, pp. 74–77). При этом организации могут нести существенные затраты на ведение соответствующих социальных страниц, иметь необходимый штат сотрудников, в трудовые функции которых входит ведение таких страниц, в связи с чем они объективно заинтересованы в защите учетной записи как ценности, создаваемой в ходе подобной деятельности.

Е. С. Гринь указывает, что возможны различные трактовки правовой природы учетных записей в социальных сетях, например их рассмотрение как мультимедийного продукта, интернет-сайта (составного произведения), программы для ЭВМ, объекта *sui generis*. Оставляя

¹² Рожкова, М. А. (2024). Можно ли рассматривать аккаунт как объект гражданских прав? Закон.ру. https://zakon.ru/blog/2024/09/09/mozhno_li_rassmatrivat_akkaunt_kak_obekt_grazhdanskih_prav_can_an_account_be_considered_as_an_objec

¹³ European Declaration on Digital Rights and Principles for the Digital Decade, 2023 O.J. (C 23) 1, pts. 1, 19, https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOC_2023_023_R_0001

вопрос о правовой квалификации учетной записи открытым, Е. С. Гринь обращает внимание на то, что в условиях развития информационных технологий и коммерческой ценности учетных записей в социальных сетях *оставление их вне сферы правового регулирования не соответствует потребностям участников правоотношений*. Данный вывод автор делает в контексте анализа проблемы наследования учетных записей в социальных сетях, утвердительно отвечая на вопрос о возможности передачи по наследству учетной записи и права доступа к ней (Grin', 2022, pp. 130–134).

Кроме того, представляют интерес размышления Е. С. Гринь о необходимости разграничения передачи доступа к учетной записи и передачи всего комплекса прав на учетную запись (в том числе права на коммерческое использование) после смерти прежнего владельца. В действительности возможна ситуация, когда владелец учетной записи заинтересован в передаче исключительно сведений, содержащихся в учетной записи, например сообщений, фотографий, видеозаписей (информационный компонент), в случае своей смерти и не преследует цели передать иному лицу учетную запись как виртуальный актив (объект), который впоследствии может быть предметом коммерческих операций.

Возникает вопрос, допустима ли передача только права доступа к учетной записи в социальной сети без передачи иного комплекса прав (правовая природа которых на данном этапе исследования не определена), позволяющего свободно распоряжаться учетной записью в ИКТ-среде (например, опубликовывать новые сведения, использовать в целях извлечения прибыли и пр.). Думается, что это возможно при условии надлежащей технологической реализации со стороны правообладателя социальной сети.

Некоторые авторы признают информационно-правовую природу учетной записи в социальной сети, разграничивая ее состояние до определения содержания и после наполнения информацией (контентом), указывая, что в первом случае учетная запись является объектом информационного права, а во втором — объектом гражданских правоотношений (Fedorov, 2023, p. 152).

Часть исследователей, например А. Д. Крючкова, указывают на то, что нормы об интеллектуальной собственности не подходят для регламентации данных правоотношений и предлагают рассматривать учетную запись как иное имущество или цифровые права (Kryuchkova, 2021, p. 240).

В свою очередь, А. Д. Севергин, анализируя правовую природу метавселенной, указал, что фактически речь идет о данных как объекте информационных правоотношений. Кроме того, вопросы, связанные с виртуальной собственностью, отвечают признакам цифровых прав, предусмотренных гражданским законодательством (Severgin, 2023, pp. 40–43).

Таким образом, перечисленные позиции в отношении учетных записей в отечественной юридической науке целесообразно разделить на четыре основные группы:

1. концепции, отрицающие наличие у учетной записи в социальной сети атрибута объекта права (учетная запись не объект правовых отношений);
2. концепции, рассматривающие учетную запись через призму норм об интеллектуальной собственности и творческий вклад их создателей;
3. концепции, рассматривающие учетную запись как иное имущество или цифровое право;
4. концепции, признающие наличие у учетной записи двойственной природы: информационно-правовой до наполнения учетной записи информацией и появления определенного количества подписчиков и гражданско-правовой после возникновения указанных признаков.

Некоторые исследователи, не выбирая одну из вышеприведенных концепций (оставляя данный вопрос открытым), указывают на принципиальную возможность включения учетной

записи в социальных сетях в состав имущества, в том числе в состав общего имущества для целей последующего раздела в рамках бракоразводного процесса между супругами (Agaeva, 2023, pp. 5–7). Как видим, большая часть концепций исходит из необходимости защиты прав обладателей учетных записей, однако из-за ограниченности отраслевыми рамками авторы применяют для решения этой задачи инструментарий только гражданского права, не задействуя терминологического потенциала науки информационного права, что не совсем верно.

Анализ зарубежной правоприменительной практики по вопросу принадлежности прав на учетные записи

Вышеприведенные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки правового регулирования этой сферы, отвечающего потребностям участников правоотношений. В российском правовом поле отсутствуют судебные споры, связанные с юридической судьбой учетных записей в социальных сетях. Между тем иной результат демонстрирует изучение правоприменительной практики в иностранных юрисдикциях.

Опыт Соединенных Штатов Америки

В 2015 г. Суд по делам о банкротстве штата Техас (*U.S. Bankruptcy Court for the Southern District of Texas, Houston division*) рассматривал вопрос о признании аккаунтов в социальных сетях *Facebook*¹⁴ и *Twitter*¹⁵ имуществом организации, проходящей реабилитационную процедуру в рамках дела о несостоятельности (банкротстве)¹⁶. Спор был связан с учетными записями бенефициара, контролирующего должника, который от своего имени создал аккаунты в упомянутых социальных сетях, фактически посвященные деятельности организации (используемые для взаимодействия с клиентами, в рекламных и иных коммерческих целях).

Постановка вопроса о признании учетной записи имуществом и ее вхождении в конкурсную массу реорганизуемого должника была вызвана тем фактором, что для эффективного проведения реабилитационной процедуры был необходим доступ к учетным записям — основным маркетинговым и коммерческим инструментам, посредством которых осуществлялась экономическая деятельность общества. Его отсутствие ставило под угрозу исполнение реабилитационного плана. При этом ответчик по спору уклонялся от передачи доступа к учетным записям, аргументируя это нарушением его информационных прав, прежде всего права на тайну частной жизни, и личным характером учетной записи. Указанный факт существенным образом нарушал права кредиторов.

В результате суд на основе анализа сходных прецедентов в различных штатах разграничил личные и коммерческие учетные записи, включив последние в конкурсную массу должника — юридического лица для целей проведения процедур банкротства и расчетов с кредиторами. Для разграничения суд применил следующие критерии¹⁷:

¹⁴ Правообладатель данной социальной сети — компания *Meta* — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

¹⁵ Социальная сеть заблокирована в Российской Федерации на основании решения Генеральной прокуратуры РФ от 24 февраля 2022 г. в порядке ст. 15.3 Закона об информации.

¹⁶ *Memorandum opinion on Jeremy Alcede's emergency motion objecting to proposed order regarding social media accounts*, No. 14-33564 (Bankr. S.D. Tex. Apr. 3, 2015), https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-txsb-4_14-bk-33564/pdf/USCOURTS-txsb-4_14-bk-33564-0.pdf

¹⁷ *Ibid.*, 9–19.

- анализ наименования аккаунта: наименование учетной записи, созданной бенефициаром, соответствовало названию общества;
- наличие иной связи с обществом: учетная запись отсылала к официальному сайту общества (в аккаунте была размещена ссылка на официальный сайт);
- содержание страницы и характер сообщений: абсолютное большинство сообщений преследовало коммерческие и рекламные цели, явно связанные с деятельностью общества.

Суд отклонил доводы ответчика о том, что он никому не передавал право администрирования учетной записи. Суд указал, что в данном случае фактически страница была создана в интересах общества и для ведения его деятельности. В подобной ситуации то обстоятельство, что технически администратором сообщества и создателем персональной страницы являлся ответчик, не имеет юридического значения¹⁸, т. к. по материальному критерию (исходя из фактического содержания отношений по использованию учетной записи) фактически учетная запись принадлежит должнику.

Было также принято по внимание противоречивое поведение ответчика, который в предыдущих судебных разбирательствах по иным вопросам в ходе банкротного процесса (прежде всего по вопросу определения его собственного вознаграждения по трудовому договору за осуществление функций руководителя должника в предбанкротный период) указывал, что он ежедневно отвечает на тысячи сообщений с вышеупомянутых учетных записей в целях поддержания деловой репутации организации и взаимодействия с контрагентами, а в данном споре, напротив, обосновывал личный характер таких учетных записей¹⁹.

Кроме того, судом был разрешен занимательный юридический вопрос, связанный с личным вкладом ответчика в развитие учетной записи. Отклоняя указанный довод, как не препятствующий передаче ответчиком доступа (логина и пароля) к учетной записи, суд констатировал следующее. Действительно, нельзя отрицать, что, несмотря на корпоративный характер учетной записи, контролирующее должника лицо внесло определенный вклад в ее развитие. Этот аспект предложено рассматривать в контексте деловой репутации организации и деловой репутации конкретного лица. Суд отметил, что в случае если значительный вклад в развитие учетной записи (например, количество активных подписчиков) внесен конкретным лицом, то объективно указанный фактор следует за деловой репутацией такого лица. Как следствие, при создании этим лицом новой или использовании иной учетной записи связанные с его личной деловой репутацией подписчики (иные пользователи), последуют за ним. Данный фактор, с позиции суда, не препятствует рассмотрению учетной записи в качестве имущества в контексте законодательства о банкротстве²⁰.

Суд также оценил возможность взыскания убытков за недобросовестные действия ответчика в отношении учетных записей. Ответчик, уклоняясь от передачи сведений, необходимых для доступа к учетным записям, совершил следующие действия, влияющие на их коммерческую ценность: изменил наименование учетных записей на собственные имя и фамилию и опубликовал сообщения (посты) диффамационного содержания. При этом правила использования одной из социальных сетей не предусматривали повторного изменения наименования учетной записи. Суд указал, что в случае если в результате досудебного или судебного взаимодействия с социальной сетью не удастся восстановить наименование учетной записи (например, посредством добавления в условия использования социальной сети возможности смены наименования в подобных ситуациях или создания дублирующей учетной записи с переносом всего

¹⁸ Ibid., 18.

¹⁹ Ibid., 15.

²⁰ Ibid., 20–22.

содержания и подписанных пользователей с исходной учетной записи), с бенефициарного владельца должника и технического администратора учетных записей могут быть взысканы убытки, причиненные совершенными им действиями²¹. При описании учетной записи как имущества должника суд использовал термин «имущественные интересы» (*property interests*)²².

Таким образом, в рамках данной концепции суд исходит из юридического интереса организации как фактического обладателя учетной записи, в получении доступа к ней и защите соответствующих прав. Именно законный интерес выступает в качестве одного из элементов, формирующих ядро правового статуса пользователя в виртуальных средах. В данном примере для описания лица, имеющего права в отношении учетной записи, судом использован термин «собственник»²³, без определения конкретного вида собственности (объекта гражданских прав) с указанием на имущественные интересы. Суд также остановился на вопросе о правовой квалификации личных учетных записей, которые он связал с категорией *persona* (альтер эго), т. е. с интересом субъекта в использовании собственной идентичности, который может быть выражен в использовании имени, псевдонима или иного объекта (например, учетной записи) в личных целях или для выгоды иных лиц²⁴.

В контексте использования американским судом категории «имущественные интересы» для определения гражданско-правового режима учетных записей отметим, что указанный подход возможно применить и в Российской Федерации для юридического оформления операций в рамках экономики данных с учетом открытого перечня имущественных прав. При этом категория имущественных прав позволит решить задачу юридического оформления оборота виртуальных объектов, однако не даст ответа на вопрос об их правовой природе, так как имущественные права возникают в отношении какого-либо объекта. Например, имущественное право на использование имени имеет объектом имя как нематериальное благо (необходимо различать право на использование имени и право на имя, которое неотчуждаемо²⁵). Аналогичным образом объектом исключительных (имущественных) прав на программы для ЭВМ, произведения, базы данных и пр. выступают конкретные результаты интеллектуальной деятельности.

Актуальность использования категории «имущественное право» для оформления оборота виртуальных объектов подчеркивается в научной литературе (Rozhkova, 2024, p. 118). Отдельные авторы применительно к уголовно-правовой квалификации деяний, направленных на хищение цифровых активов (на примере внутриигровых ценностей, осложненных использованием технологии распределенного реестра), считают возможным рассматривать конвертируемую виртуальную внутриигровую валюту в качестве имущества (и, как следствие, предмета

²¹ *Memorandum opinion on Jeremy Alcede's emergency motion objecting to proposed order regarding social media accounts*, No. 14-33564 (Bankr. S.D. Tex. Apr. 3, 2015), pp. 25–26, https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-txs-b-4_14-bk-33564/pdf/USCOURTS-txs-b-4_14-bk-33564-0.pdf

²² *Ibid.*, 10–11.

²³ В данном контексте необходимо учитывать особенности англо-американского понимания концепта «собственность» (*property*), который по содержанию сконцентрирован на конкретных правомочиях лица в отношении определенных благ и современные трактовки которого не ограничены пониманием вещи как строго телесного объекта окружающего мира. См. статью А. М. Доева (Doiev, 2023).

Акцент на социальной природе юридической категории вещи (как объекта, воспринимаемого органами чувств) и на конкретных правомочиях субъекта в отношении такой вещи позволяет судам в США применять конструкцию «собственности» к отношениям, связанным с цифровыми (виртуальными) объектами, в данном случае — с учетными записями.

²⁴ *Memorandum opinion on Jeremy Alcede's emergency motion objecting to proposed order regarding social media accounts*, No. 14-33564 (Bankr. S.D. Tex. Apr. 3, 2015), https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-txs-b-4_14-bk-33564/pdf/USCOURTS-txs-b-4_14-bk-33564-0.pdf

²⁵ Пункт 2 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2023), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2023 г.

хищения), а также считать имуществом отдельные виртуальные предметы в случае признания их цифровыми правами (Khromov & Zyblikov, 2024, pp. 46–67).

Обратим внимание на то, что пояснительная записка к законопроекту № 424632-7 (Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ) непосредственно указывает, что категория «цифровое право» вводится в гражданское законодательство с целью регулирования рынка цифровых объектов, конкретный перечень которых впоследствии будет определяться законодателем посредством указания на их виды в федеральном законодательстве, исходя из степени влияния того или иного цифрового объекта на экономику страны (следовательно, указанный перечень может быть расширен)²⁶.

С учетом направленности воли законодателя на обновление понятийного аппарата гражданского законодательства выдвинем предположение, что в имущественных правоотношениях в цифровой среде целесообразно использовать термин «цифровое право» (понимая под ним имущественное, в том числе обязательственное, и иное право в отношении цифрового объекта). Аналогичный подход использован в проекте Цифрового кодекса Республики Казахстан, размещенном в открытом доступе на информационном ресурсе *GitHub* депутатом Мажилиса Парламента Республики Казахстан Е. В. Смышляевой²⁷.

С учетом изложенного вновь подчеркнем, что регламентация подобного рода отношений не ограничивается инструментарием интеллектуального права. Его применение в ситуациях, явно не рассчитанных на такое использование (например, правовой режим учетных записей и оборот иных виртуальных объектов), излишне (Fairfield, 2023, p. 20)²⁸.

Вернемся к анализу правоприменительной практики Соединенных Штатов Америки. В 2024 г. Апелляционный суд второго округа США вынес постановление по запросу «права собственности» на учетные записи в социальных сетях *Instagram*²⁹ и *Pinterest* в рамках трудового спора между бывшим работником и работодателем, отменив судебный акт Окружного суда Южного округа Нью-Йорка и направив дело на новое рассмотрение³⁰.

Данное дело интересно тем, что в нем судом первой инстанции был применен многофакторный тест, сформулированный в 2015 г. Судом по делам о банкротстве штата Техас в деле, описанном выше. Однако суд апелляционной инстанции, указав на то, что судебное постановление, которым руководствовался окружной суд, вынесено в другом штате, сформулировал иной подход к определению «права собственности» на учетные записи.

Обстоятельства дела следующие. Ответчик по спору — Хейли Гутман, модельер, которая занимается разработкой дизайнов одежды. В 2011 г. между ней и организацией *JLM Couture*, специализирующейся на производстве премиальной свадебной одежды, был заключен трудовой договор, в соответствии с которым она как работник приняла на себя обязательства

²⁶ Пункты 2–3 Пояснительной записки к законопроекту «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» № 424632-7. <https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7>

²⁷ См. п. 3 ст. 11 Проекта Цифрового кодекса Республики Казахстан, 2024. *GitHub*. <https://github.com/Akylbay-Katira/digital-codex/blob/main/digital-Codex-2024-ru.md>

²⁸ Например, в законодательстве и юридической литературе не предлагают для квалификации цифровых валют или электронных денежных средств использовать инструментарий интеллектуального права. Применение указанных правовых средств к иным видам виртуальных объектов (учетным записям, внутриигровым предметам в виртуальных средах, доменными именами и пр.) на данном этапе недостаточно обоснованно.

²⁹ Правообладатель данной социальной сети — компания *Meta* — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

³⁰ *JLM Couture, Inc. v. Gutman* 91 F.4th 91, No. 21-2535, 2024 WL 172609 (2d Cir. 2024).

по разработке дизайнов свадебной одежды. Трудовой договор также содержал условия о неконкуренции ответчика с *JLM Couture* и о передаче работодателю прав на использование имени и фамилии работника, в том числе для их регистрации в качестве товарного знака.

Кроме того, стороны предусмотрели, что исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные, задуманные или разработанные Хейли Гутман в связи с ее работой в *JLM Couture*, принадлежат организации (служебное произведение)³¹. Через некоторое время после трудоустройства работником были созданы учетные записи в социальных сетях *Instagram*³² и *Pinterest*, в которых впоследствии, помимо сообщений личного характера, также были опубликованы рекламные сообщения, связанные с деятельностью организации и дизайнами одежды, разрабатываемой работником. Кроме того, Хейли Гутман передала данные, необходимые для доступа к учетной записи, нескольким сотрудникам организации в целях публикации рекламных материалов. В 2019 г., не договорившись об изменении условий трудового договора, работник расторг его в одностороннем порядке и заблокировал доступ *JLM Couture* к учетным записям (было произведено изменение пароля). Работодатель обратился в суд с требованием о предоставлении доступа к учетным записям, а также заявил ходатайство о передаче организации управления учетными записями на период рассмотрения спора.

Окружной суд, удовлетворяя ходатайство и обязывая бывшего работника передать организации доступ к учетным записям, руководствовался критериями, сформулированными Судом по делам о банкротстве штата Техас.

Суд первой инстанции проверял следующие обстоятельства: отражает ли наименование учетных записей название организации или, напротив, персональные данные работника; каково содержание учетных записей; включают ли они ссылки на сайты в сети Интернет, принадлежащие организации; использовались ли учетные записи в рекламных целях, связанных с организацией; имели ли сотрудники или участники организации доступ к учетным записям и участвовали ли в управлении ими³³.

Установив, что содержание учетных записей включало в себя публикации рекламного характера, связанные с деятельностью работодателя, а также то обстоятельство, что несколько работников организации имели доступ к учетной записи и возможность публикации сообщений, суд удовлетворил ходатайство *JLM Couture*. Суд отклонил доводы ответчика об указании в наименовании учетной записи ее личных данных (имени и фамилии), а также о том, что работодателем не представлено доказательств, что учетные записи были созданы по его указанию и в рамках исполнения трудовых обязанностей. Суд также посчитал дополнительным аргументом в пользу вывода о том, что работодатель является правообладателем учетных записей, тот факт, что Хейли Гутман передала организации права на использование своего имени, в том числе в качестве товарного знака, а также согласилась на то, что все исключительные права в отношении результатов ее интеллектуальной деятельности в организации будут принадлежать последней³⁴.

³¹ *JLM Couture, Inc.*, ¶¶ 4–5.

³² Правообладатель данной социальной сети — компания *Meta* — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

³³ Barrett, S. J., & Rios, G. (2024, February 8). “Handle” with care: Second Circuit clarifies ownership test for social media accounts. Wilson Elser. <https://www.wilsonelser.com/publications/handle-with-care-second-circuit-clarifies-ownership-test-for-social-media-accounts>

³⁴ Goldman, E. (2024, January 24). Courts still have no clue how to determine who owns social media accounts. *Technology & Marketing Law Blog*. <https://blog.ericgoldman.org/archives/2024/01/courts-still-have-no-clue-how-to-determine-who-owns-social-media-accounts-jlm-v-gutman.htm>

Отменяя судебный акт окружного суда, Апелляционный суд второго округа США указал следующее³⁵.

То обстоятельство, что определение «права собственности» на аккаунты в социальных сетях является новым для юридической сферы, не позволяет применять новые критерии (многофакторные тесты) в отрыве от уже существующей юридической методологии. Со спорными учетными записями следует обращаться как с любой другой разновидностью собственности³⁶.

На основании изложенного апелляционный суд сделал вывод о том, что если будет установлено, что Хейли Гутман использовала свою личную информацию и создала учетные записи для личного пользования (которое может в том числе иметь коммерческую направленность), т. е. совершила указанные действия не по поручению работодателя, а в своем интересе, в таком случае следует признать, что права на учетные записи принадлежали ей, вне зависимости от того, каким образом аккаунты могли быть использованы впоследствии³⁷.

Апелляционный суд отклонил ссылки *JLM Couture* на то, что ответчик передал обществу исключительные права на использование части результатов интеллектуальной деятельности, размещенных в учетных записях. Суд отметил, что данный довод свидетельствует только о передаче организации исключительных прав на результаты творческого труда и не подтверждает передачу ответчиком права собственности на спорные учетные записи, которые не отнесены к сфере регулирования интеллектуального права³⁸. Указанный вывод является юридически значимым, так как также подтверждает ранее сформулированный тезис об искусственном характере применения норм об интеллектуальной собственности к отношениям, связанным с оборотом виртуальных объектов.

Таким образом, в Соединенных Штатах Америки формируется судебная практика, в соответствии с которой учетные записи в социальных сетях признаются объектом имущественных интересов и «права собственности». Показательно, что появление подобных судебных решений связано с достаточно конфликтными отраслями законодательства — сферой несостоятельности (банкротства) и трудовым правом. При этом следует сделать важное замечание: при внимательном анализе постановлений Суда по делам о банкротстве штата Техас и Апелляционного суда второго округа США можно установить, что данные права в силу их возникновения и существования в рамках информационной системы, с которой у «собственника» (обладателя) учетной записи заключено соглашение, имеют определенные ограничения. Как указано выше, Суд по делам о банкротстве штата Техас для описания указанных прав использует категорию «имущественный интерес», конкретно не определяя учетные записи в системе объектов права собственности. Апелляционный суд второго округа США отмечает, что конкретные правомочия «собственника», например право на передачу прав на учетную запись (т. е. оборотоспособность такой учетной записи), могут зависеть от содержания пользовательских соглашений с правообладателем социальной сети³⁹. Подобный подход, с точки зрения англо-американского права, не противоречит содержанию понятия «собственность» (*property*), которое воспринимается

³⁵ *JLM Couture, Inc.* ¶¶ 16–17.

³⁶ *Ibid.* ¶ 17.

³⁷ Отметим, что экономическая составляющая указанного спора заключалась в том, что спорные учетные записи имели более 1 млн подписчиков, а стоимость одного рекламного сообщения составляла около 30 тыс. долл. США (Finguerra DuCharme, D., Kohn, F., & A. Belhachmi. (2024, March 22). *Social media account ownership: When a business relationship breaks down, who gets the accounts?* <https://www.law.com/newyorklawjournal/2024/03/22/social-media-account-ownership-when-a-business-relationship-breaks-down-who-gets-the-social-media-accounts/>).

³⁸ *JLM Couture, Inc.* ¶ 18.

³⁹ *Ibid.* ¶ 18.

как совокупность («пучок») различных правомочий, объем которых может различаться в зависимости от конкретной формы собственности (Doiev, 2023, pp. 11–13).

Иными словами, правоприменительная практика в Соединенных Штатах Америки приходит к двум ключевым выводам. Во-первых, юридический интерес пользователей в отношении учетных записей может иметь имущественное содержание и должен быть обеспечен судебной защитой. Во-вторых, конкретный набор правомочий обладателя учетной записи зависит от условий использования социальной сети. В контексте споров между третьими лицами, не являющимися правообладателями социальной сети, необходимо защищать интересы лица, которое создало учетную запись в собственных интересах (например, физическое лицо, которое одновременно является работником организации). В силу принципа свободы договора допустима передача как права использования учетной записи посредством предоставления права доступа к ней иным лицам, так и прав обладателя («собственника») учетной записи, если это не запрещено условиями использования социальной сети.

Отметим, что позиция Апелляционного суда второго округа США не противоречит выводам Суда по делам о банкротстве штата Техас, так как общий критерий определения первого владельца — создателя социальной страницы — не подлежит применению в ситуации с *мнимой собственностью*, когда субъект выступает исключительно номинальным держателем учетной записи, фактически используемой в интересах организации. Общее правило может быть применено в спорах между независимыми субъектами, не имеющими общих экономических интересов (например, бывший работник и работодатель). Исключение, связанное с более тщательной проверкой отношений сторон, необходимо в спорах между аффилированными лицами (участник общества и общество), особенно в ситуации несостоятельности организации, когда действиями участника нарушаются права сообщества кредиторов.

Расширенная проверка была применена судом также в деле *Teamsters Local 651 v. Philbeck*, в рамках спора о принадлежности учетной записи между профессиональным союзом и его бывшим председателем. Суд установил, что фактически учетная запись создавалась и использовалась в интересах профессионального союза, в связи с чем не принадлежит ответчику (адреса учетных записей были указаны на официальном сайте профессионального союза, использовались в его визитных карточках, фактическое управление учетными записями осуществляли работники профессионального союза). Суд расценил как недобросовестные действия председателя по изменению данных, необходимых для доступа в учетную запись, которые были совершены после проигрыша выборов на должность⁴⁰.

Опыт Федеративной Республики Германия

На данном этапе нами были выделены отдельные особенности рассмотрения споров в отношении учетных записей в США. Перейдем к анализу дела, рассмотренного в 2018 г. Федеральным верховным судом Германии⁴¹.

Краткая фабула спора такова. Несовершеннолетняя девушка, имеющая гражданство Федеративной Республики Германия (ФРГ), зарегистрировала учетную запись в социальной сети *Facebook*⁴² в 2011 г. В 2012 г. при невыясненных обстоятельствах она была сбита поездом

⁴⁰ Int'l Bhd. of Teamsters Local 651 v. Philbeck, 464 F. Supp. 3d 863 (E.D. Ky. June 3, 2020).

⁴¹ Bundesgerichtshof [BGH] [Federal Court of Justice] Jul. 12, 2018, III ZR 183.

⁴² Правообладатель данной социальной сети — компания Meta — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

в метрополитене на территории ФРГ. В целях установления обстоятельств гибели своей дочери ее родители, вступившие в наследство, предприняли попытку получить доступ к учетной записи девушки, так как им стали известны идентификационные данные (логин и пароль). Однако ввиду установления для учетной записи так называемого мемориального статуса со стороны правообладателя социальной сети наследники не смогли получить доступ к содержанию учетной записи (сообщениям, аудио- и видеозаписям и пр.). Администрация социальной сети в досудебном порядке отказалась предоставить доступ, мотивируя негативный ответ условиями использования социальной сети. Наследники обратились в суд с требованиями к социальной сети об обеспечении доступа к учетной записи⁴³.

Суд первой инстанции удовлетворил заявленные требования, однако суд апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменил и в удовлетворении исковых требований отказал, мотивируя это тем, что специальное информационное законодательство в области связи, исходя из его толкования, запрещает передачу сведений, хранящихся на серверах, используемых социальной сетью. Передача доступа к учетной записи повлечет за собой нарушение конфиденциальности содержащихся в ней сведений, в том числе связанных с иными лицами, с которыми наследодатель вступал в коммуникацию в рамках социальной сети.

Федеральный верховный суд Германии с выводами апелляционного суда и доводами заявителя социальной сети не согласился, сформулировав следующие юридически значимые выводы.

1. Право на доступ к учетной записи вытекает из договорного обязательства, которое перешло к наследникам в порядке универсального правопреемства⁴⁴. Суд отдельно отмечает, что указанное право не является имущественным⁴⁵, что полностью соответствует правовой природе права на доступ в российском законодательстве (иными словами, это информационное право, основанное на договоре). При этом Федеральный верховный суд Германии обращает внимание на то, что правовая природа договора о создании и использовании аккаунта остается неясной, однако в силу специфики конкретного дела данное обстоятельство было признано не имеющим решающего значения для разрешения спора⁴⁶. Отметим, что даже в этой формулировке суд ведет речь о создании и использовании аккаунта как объекта, в отношении которого возникает право на доступ, а не о лицензионных правоотношениях, хоть и уходит от рассмотрения вопроса об обсуждении правовой природы связанного с учетными записями договора.

Суд указывает, что с момента вступления в наследство к наследникам перешли права и обязанности наследодателя по договору о создании и использовании аккаунта, в том числе право на доступ к учетной записи⁴⁷. При этом иное могло быть предусмотрено соглашением сторон⁴⁸.

2. Запрет доступа к учетной записи наследникам наследодателя неуместно ущемляет права и законные интересы таких наследников, подрывает их правовое положение, что противоречит

⁴³ BGN, III ZR 183/17, Rn. 2–5.

⁴⁴ Ibid., 8.

⁴⁵ Ibid., 29.

⁴⁶ Ibid., 8.

⁴⁷ Ibid., 9.

⁴⁸ Интересно, что суд приходит к выводу, что согласно общим принципам регулирования соответствующих отношений наследование указанных прав могло быть исключено на уровне соглашения сторон, однако из пользовательского соглашения подобного не усматривается. С нашей позиции, указанный вопрос должен быть включен в сферу публично-правового регулирования, в котором следует предусмотреть нормы, гарантирующие переход прав по договору в порядке наследования, связанных с участием в многопользовательских социальных сетях со значительным охватом участников.

немецкому законодательству⁴⁹. Ни тайна связи, ни право на конфиденциальность данных и неприкосновенность частной жизни иных субъектов, с которыми состоял в переписке наследодатель, не могут служить основанием для отказа в предоставлении доступа к учетной записи⁵⁰. Напротив, суд приходит к выводу, что при предоставлении наследникам доступа к учетной записи тайна связи с юридической точки зрения не нарушается⁵¹, так как происходит замена уполномоченного лица в отношении учетной записи, т. е. одной из сторон в уже существующем правоотношении, без возникновения новых правоотношений с иным лицом⁵². С учетом того что право доступа имеет информационно-правовую природу, данный вопрос интересен в контексте разработки института правопреемства в информационном праве, который в настоящее время фактически не исследуется⁵³.

3. Суд *obiter dictum* отмечает, что, вероятнее всего, дальнейшее активное использование аккаунта не охватывается правом наследования (это применимо в большей степени к личным учетным записям). Однако суд оставил данный вопрос без дальнейшего обсуждения с учетом предмета заявленных требований и обстоятельств спора. Он указал, что в ситуации, когда истцам необходим доступ к учетной записи в том состоянии, в котором она была на момент открытия наследства, отсутствуют какие-либо причины отказывать в реализации подобного права⁵⁴.

4. Суд указывает, что с учетом реального положения дел не выдерживают критики аргументы *Facebook*⁵⁵ о том, что их обязательство по передаче сообщений между пользователями связано с конкретным лицом (лицами). Федеральный верховный суд Германии отмечает: в связи с тем, что достоверно определить, владелец учетной записи или иное лицо использует аккаунт в конкретный момент, невозможно и определенная степень анонимности имманентно присуща подобного рода коммуникации, следует признать, что *соответствующие обязательства связаны с учетными записями, а не с лицами*⁵⁶. Аккаунты выступают идентификационными признаками адресата и адресанта, продолжают существовать после их смерти⁵⁷. Отметим, что именно поэтому в большинстве социальных сетей запрещено создание фальшивых аккаунтов с учетом указанного риска из сферы идентификации. При этом обладатель учетной записи несет всю ответственность за любые действия, совершенные третьим лицом в результате неправомерного доступа к учетной записи.

5. Участники коммуникации в социальных сетях должны разумно ожидать и учитывать, что доступ к переписке может быть получен наследниками их собеседников в порядке универсального правопреемства⁵⁸. Федеральный верховный суд Германии также констатиру-

⁴⁹ BGH, III ZR 183/17, Rn. 12.

⁵⁰ Ibid., 7.

⁵¹ Ibid., 27.

⁵² Предоставление доступа к учетной записи иному лицу происходит не в рамках нового правоотношения, а в пределах уже существующего.

⁵³ Поисковой запрос «правопреемство в информационном праве» в электронном каталоге Российской государственной библиотеки не выявил никаких подходящих исследований (<https://search.rsl.ru/ru/search>).

⁵⁴ Изложенное подтверждает обозначенную Е. С. Гринь дискуссию о необходимости разграничения передачи доступа к учетной записи и передачи всего комплекса прав на учетную запись (Grin', 2022, pp. 133–134).

⁵⁵ Правообладатель данной социальной сети — компания *Meta* — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

⁵⁶ BGH, III ZR 183/17, Rn. 17, 34.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid. Rn. 20.

ет, что если бы переписка была распечатана наследодателем или выгружена на хранилище персонального компьютера, наследники не имели бы никаких препятствий к доступу и ознакомлению с соответствующими сведениями⁵⁹. Установление неравенства в двух существенно сходных ситуациях несправедливо⁶⁰.

Не усмотрел суд противоречий и с Общим регламентом по защите данных (*General Data Protection Regulation, GDPR*⁶¹), указав, что наследник в таком случае становится оператором персональных данных в отношении сведений партнеров по переписке наследодателя и обязан обеспечивать конфиденциальность таких данных. На защиту персональных данных умерших лиц *GDPR* не распространяется⁶².

Завершая рассуждения, Федеральный верховный суд Германии разграничивает право доступа к учетной записи и к содержащимся в ней имущественным⁶³ и личным материалам как к двум разным категориям⁶⁴, что в очередной раз свидетельствует о том, что учетная запись — это объект, в отношении которого могут возникать информационные права и обязанности и который в связи с этим подлежит правовому регулированию. При этом содержание учетной записи также может быть предметом правового регулирования. Фактически в зависимости от сферы применения аккаунты могут использоваться для учета иных ценностей: цифровых валют, цифровых активов, виртуальных внутриигровых предметов, виртуальных валют (в широком смысле) и др.

Таким образом, правоприменительная практика в ФРГ⁶⁵ и США разграничивает личные и корпоративные учетные записи, правовой режим которых может различаться (например, дальнейшее использование личной учетной записи при правопреемстве в порядке наследования может не допускаться; само правомочие на создание и управление личной учетной записью в США связывают с реализацией права на использование собственной идентичности (*a persona*) в ИКТ-среде)⁶⁶. В США права субъектов в отношении учетных записей рассматриваются через призму теории собственности, причем к пользователю применяется термин «собственник». При этом с учетом того, что суды не могут игнорировать объективные особенности взаимодействия с социальной сетью, к учетным записям применяется термин «имущественный

⁵⁹ Интересно, что подобные сведения, наряду с дневниками и письмами, Федеральный верховный суд Германии называет термином «аналоговые документы» (*analoge dokumente*), впоследствии указывая, что нет оснований по-разному регламентировать отношения, связанные с аналоговым и цифровым контентом (*analoge und digitale Inhalten*).

⁶⁰ BGH, III ZR 183/17, Rn. 20, 28.

⁶¹ Regulation 2016/679, of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of natural Persons with regard to the Processing of Personal Data and on the free Movement of such Data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation), 2016 O.J. (L 119) 1.

⁶² Ibid. Rn. 31.

⁶³ Суд косвенно признает, что определенный содержательный аспект учетной записи может иметь имущественный характер (например, к учетной записи может быть привязано определенное количество виртуальной валюты, иных ценностей). Развивая данную логику, к имущественной составляющей учетной записи следует отнести право на использование доменного имени и наименования учетной записи, которые в отдельных случаях могут выступать объектами экономического оборота.

⁶⁴ BGH, III ZR 183/17, Rn. 35–36.

⁶⁵ Корпоративные аккаунты отдельно не упоминались в рассмотренном решении Федерального верховного суда Германии, однако их выделение допустимо, исходя из общего анализа судебного акта, определившего правовой режим *личной* учетной записи в ситуации наследования.

⁶⁶ По аналогичным причинам, как правило, в пользовательских соглашениях запрещено отчуждение личных учетных записей.

интерес» и указывается, что конкретное содержание прав пользователя («собственника»), а также их оборотоспособность во многом определяются соглашением с правообладателем социальной сети.

В ФРГ, напротив, отношения с правообладателем социальной сети рассматриваются через информационно-правовой аспект (в контексте права доступа)⁶⁷, через призму обязательственных отношений сторон, с акцентом на то, что право доступа к учетной записи является самостоятельным, хоть и тесно связано с правом доступа к содержащимся в учетной записи сведениям. Федеральный верховный суд Германии также признает, что содержание учетной записи может иметь имущественный характер, что может быть использовано при анализе правовой природы прав пользователя на виртуальную валюту, внутриигровые ценности, наименование учетной записи, на использование поддоменного имени и др. Важно, что фактически суды в обеих юрисдикциях признают, что учетные записи — это объекты правового регулирования и правового интереса.

Подводя итог рассмотрению германского и американского опыта, отметим, что правовой режим учетных записей в своей основе является сходным: например, у любой учетной записи (в том числе в системе электронной почты) есть обладатель, определяющий юридическую судьбу учетной записи и порядок ее использования, в том числе предоставление доступа к ней иным лицам. Учетные записи — это объекты правового регулирования, прежде всего информационно-правового, которые могут участвовать в различных правоотношениях: трудовых (например, создание и ведение учетной записи в интересах и по заданию работодателя), личных (создание личной учетной записи, в том числе в коммерческих целях), семейных (совместное ведение учетной записи супругами и ее включение в состав общего имущества, в том числе для целей последующего раздела), предпринимательских (например, создание и ведение учетной записи в ходе исполнения договора о совместной деятельности) и др. Как следствие, особенности правового режима учетных записей могут быть предусмотрены в отраслевом законодательстве (корпоративном, семейном, трудовом, законодательстве о государственной и муниципальной службе и пр.), а также зависеть от правил использования конкретной информационной системы.

При этом особенности использования отдельных видов учетных записей могут быть определены отраслевыми особенностями той сферы общественных отношений, в которой они применяются, даже в отсутствие конкретных правовых норм, посвященных данному вопросу. Например, принципы трудового права определяют общий смысл и структуру деятельности работника под контролем и на основании поручений (заданий) работодателя в рамках выполнения трудовой функции, из которых можно вывести правило, что обладателем учетной записи, созданной работником по заданию и в интересах работодателя, при отсутствии соглашения сторон об ином⁶⁸ является работодатель. При этом недопустим уход работодателя

⁶⁷ Регламентация доступа к информации (в том числе в контексте социальных сетей) — один из институтов информационного права, который, с учетом комплексного характера данной отрасли права и отрасли науки, охватывает, как публично-правовое, так и гражданско-правовое регулирование. Информационное право, в связи с комплексным предметом и методами регулирования, рассматривается в науке в качестве «базовой отрасли для развития правового регулирования новых информационных отношений, информационных (цифровых пространств)» (Polyakova et al., 2025).

⁶⁸ Речь идет о ситуации, когда работник создает учетную запись в интересах и по заданию работодателя, однако стороны приходят к соглашению, что учетная запись также может быть использована в личных целях работника, не связанных с выполнением трудовой функции у конкретного работодателя, в связи с чем стороны признают, что обладателем учетной записи является работник.

от ответственности, когда фактически учетная запись используется в интересах работодателя, однако ответственность за потенциальный вред и (или) нарушения прав иных лиц будет нести работник как формальный обладатель учетной записи. В данном случае необходимо применить концепцию мнимого обладателя («собственника»), разработанную в США⁶⁹.

Концепция двойственной правовой природы учетной записи

На основе изученного материала предлагается следующее видение правового режима учетных записей как разновидности виртуальных объектов.

I. Учетная запись, как виртуальный объект, обладает двойственной правовой природой: информационно-правовой и иной отраслевой (гражданско-правовой, трудовая и пр.). Особенности использования (правового режима) учетных записей могут быть предусмотрены в отраслевом законодательстве и в правилах информационной системы, а также выведены судами при разрешении конкретных споров посредством применения механизмов аналогии и толкования права.

Информационно-правовая природа первична для учетных записей, которые необязательно выступают объектами экономических отношений (например, учетная запись в системе электронной почты). Однако для целей настоящего исследования акцент сделан прежде всего на тех учетных записях, которые становятся ценностью и товаром в условиях экономики данных.

Виртуальные объекты, в том числе учетные записи, существуют в рамках информационных систем, в связи с чем правомочия в отношении таких объектов всегда будут частично основаны на договорных отношениях с правообладателем виртуального мира, в отсутствие которых невозможны ни создание учетной записи, ни получение доступа к виртуальной среде посредством использования такой записи, ни приобретение иных виртуальных ценностей (объектов). Однако данное обстоятельство не умаляет значение восприятия учетных записей и иных виртуальных ценностей в качестве объектов, в отношении которых возможны правовые отношения, т. е. возникновение прав и обязанностей. Выводы исследователей об ином следует признать ошибочными.

Стратегический ориентир Российской Федерации на построение экономики данных⁷⁰ (по аналогии с Европейским союзом)⁷¹ диктует необходимость обновления законодательства, связанного с оборотом цифровых данных, разработки качественно новых правовых подходов к опосредованию отношений, связанных с данными, которые в текущих технологических реалиях

⁶⁹ См. вышеупомянутые решения Суда по делам о банкротстве штата Техас (*Memorandum opinion on Jeremy Alcede's emergency motion objecting to proposed order regarding social media accounts*, No. 14-33564 (Bankr. S.D. Tex. Apr. 3, 2015), https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCOURTS-txsb-4_14-bk-33564/pdf/USCOURTS-txsb-4_14-bk-33564-0.pdf), Окружного суда США округа Кентукки (*Int'l Bhd. of Teamsters Local 651 v. Philbeck*, 464 F. Supp. 3d 863 (E.D. Ky. June 3, 2020)).

⁷⁰ См. п. 8 Перечня поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию № Пр-616, утв. Президентом Российской Федерации 30 марта 2024 г. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/73759>

⁷¹ 19.02.2020 Европейской Комиссией опубликована Европейская стратегия данных, в рамках которой поставлена задача построить и обеспечить баланс частных и публичных интересов в экономике, основанной на данных (Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions, *A European Strategy for Data*, COM (2020) 66 final (Feb. 19, 2020), <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0066>).

Термин «data economy» (экономика данных) упоминается в официальных публикациях на сайте Европейской Комиссии (European Commission. (2022). *Data economy* (Rolling Plan for ICT Standardisation). Interoperable Europe Portal. <https://interoperable-europe.ec.europa.eu/collection/rolling-plan-ict-standardisation/data-economy>)

становятся активом, товаром и требуют адекватного правового регулирования с учетом необходимости обеспечения контроля субъектов данных над создаваемыми и используемыми ими данными как общего принципа, особенности сетей Интернет *Web 3.0*, *Web 4.0*.

II. Для обозначения лица, уполномоченного на наиболее полное управление учетной записью, следует использовать термин «обладатель». Как разъяснено в постановлении Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П, «цель, которую преследовал федеральный законодатель, вводя понятие "обладатель информации", заключается... в описании по аналогии с гражданско-правовыми категориями "собственник", "титульный владелец"... правового статуса лица, правомочного в отношении конкретной информации решать вопрос о ее получении другими лицами и о способах ее использования как им самим, так и другими лицами»⁷².

Использование терминов «собственник», «владелец», «участник» в отношении виртуальных объектов не соответствует сложившейся практике применения российского законодательства. Слово «пользователь» может быть применено в контексте описания отношений субъектов с правообладателем виртуальной среды (социальной сети) по передаче неисключительных прав на использование такой среды, «правообладатель» — в контексте прав лица в отношении результатов интеллектуальной деятельности, которые также могут быть выражены в конкретном виртуальном объекте (например, размещены на персональной странице в социальной сети).

В пункте 2 статьи 141.1 ГК РФ, посвященной цифровым правам, также употреблен термин «обладатель» применительно к лицу, уполномоченному на определение юридической судьбы цифрового права (распоряжение цифровым правом). Аналогичным образом выражение «обладатель электронных данных» используется в определении цифровой валюты, а слово «обладатель» — в отношении цифровых финансовых активов в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷³. Термином «обладатель» оперирует и Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» применительно к лицу, которому принадлежит утилитарное цифровое право⁷⁴.

Использование термина «обладатель», т.е. информационно-правового измерения соответствующих явлений (собственности, владения и пр.), в отношении учетных записей и иных виртуальных объектов позволит примирить проанализированные выше подходы к определению правового режима учетных записей: рассмотрение их в призме права собственности и имущественного интереса в США и в контексте неимущественного права доступа к учетным записям, имеющего договорную природу, в ФРГ.

Подчеркнем, что термин «обладатель» в действующем законодательстве используется в *двух значениях*: как обладатель информации (в том числе данных) и как обладатель

⁷² Постановление Конституционного суда РФ № 25-П от 26.10.2017 «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова».

⁷³ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ от 31.07.2020, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056>

⁷⁴ Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ от 02.08.2019, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020032>

имущественного (в том числе цифрового) права, т.е. в информационно-правовом и гражданско-правовом смысле. Утвержденный 14 апреля 2023 г. Межпарламентской Ассамблеей государств — участников Содружества Независимых Государств Модельный закон «О цифровых правах» также применяет выражение «обладатель цифрового объекта». Однако, как обоснованно указывает А. Г. Шипикова, решение авторов Закона использовать термин «обладатель» в контексте *права собственности* на цифровые объекты не является бесспорным и требует дальнейшего научного обсуждения (Shirikova, 2024, p. 58). Между тем сам выбор термина «обладатель» является верным и обоснованным с научной точки зрения. В завершение подчеркнем, что дискуссия о выборе подходящего обозначения лица, уполномоченного на наиболее полный контроль над учетной записью и иными виртуальными (цифровыми) объектами, остается открытой. В вышеупомянутом проекте Цифрового кодекса Республики Казахстан использована диада терминов «владелец – пользователь» цифрового объекта⁷⁵.

III. Учетные записи как объект целесообразно рассматривать через призму понятия «данные» (ст. 2 Закона об информации).

Закрепленный в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ термин «обладатель электронных данных» является одним из ключей к ответу на вопрос, поставленный Л. К. Терещенко, А. В. Минбалеевым и Е. В. Холодной, о необходимости определения правового режима цифровых данных⁷⁶, отличного от понятия «информация».

С нашей позиции, определения сущности много правового режима цифровых (электронных) данных, отличного от категории «информация», закрепленной в Законе об информации, не требуется. Указанные понятия соотносятся как частное и общее. Данные представляют собой одну из форм существования информации. Данные, исходя из своей природы, являются электронными или цифровыми, так как эта разновидность информации существует в рамках информационных систем и предназначена для обработки на вычислительных машинах, передачи с использованием коммуникационных устройств, т.е. носит виртуальный характер, на что указывает А. А. Стрельцов (Strel'tsov, 2019, p. 5).

Дополнительно следует отметить, что существует и иная (широкая) трактовка понятия «данные» (с учетом ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных») — как разновидности информации, зафиксированной на материальном носителе в форме картотек или иных систематизированных собраний, позволяющих в соответствии с заданным алгоритмом осуществлять их поиск и (или) доступ к ним, в том числе без использования средств автоматизации.

Наука без понятийного аппарата и специальных терминов (научного языка) не является подлинной (Stepin, 2010, p. 156), в связи с чем не следует усиливать терминологическую путаницу в информационном законодательстве, о чем писали В. Б. Наумов, Л. К. Терещенко, искусственно разграничивая понятия «информация» и «цифровые данные».

Фактически термин «цифровые данные» находит отражение в законодательстве с заметной ошибочной переводом слова *digit* как «цифровой» на более привычный и корректный синоним — «электронный» (при этом правильно было бы использовать термин «числовой») (Baturin, 2022, pp. 18–20)). Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ (в части внесения изменений в п. «м» ст. 71 Основного закона) вступил в силу 4 июля

⁷⁵ См. ст. 24–25 Проекта Цифрового кодекса Республики Казахстан, 2024. *GitHub*. <https://github.com/Akylbay-Katira/digital-codex/blob/main/digital-Codex-2024-ru.md>

⁷⁶ Термин был включен в текст Конституции РФ в 2020 г.

2020 г.⁷⁷ А Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ вступил в силу позднее, 1 января 2021 г., и содержит верную трактовку рассматриваемого понятия с более корректным обозначением — «электронные данные». В связи с этим выводы исследователей о неприменении указанного термина в отраслевом законодательстве следует признать ошибочными.

С информационно-правовой точки зрения учетные записи как виртуальные объекты представляют собой данные как объект информационных правоотношений. Напомним, что сходная позиция в отношении правовой природы метавселенной высказана А. Д. Севергиным (Severgin, 2023, pp. 40–43).

С учетом изложенного, завершая дискуссию Л. К. Терещенко, А. В. Минбалеева и Е. В. Холодной по данному вопросу, повторим, что электронные (цифровые) данные в полной мере укладываются в рамки базовой для информационного законодательства категории «данные» как одной из форм существования информации. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ на примере словосочетания «обладатель электронных данных» демонстрирует возможность правовой регламентации новых явлений, связанных с виртуальными объектами и экономикой данных, *в пределах устоявшейся терминологии*.

Таким образом, учетные записи следует рассматривать как разновидность данных (цифровых или электронных), т.е. форму существования информации (ст. 2 Закона об информации). Закрепления правового режима цифровых данных, не связанного с понятием «информация», не требуется. В отношении подобных объектов возникают информационные правомочия (например, право обладания учетной записью или право доступа к ней), которые приобретены виртуальным объектом экономической ценности получают характер имущественного (или, как указано выше, цифрового) права для целей участия в обороте.

Подобный подход к рассмотрению природы учетных записей позволяет преодолеть концептуальную проблему неовещественности виртуальных (цифровых) объектов, так как характеристику объекта учетная запись приобретает за счет инструментария информационного законодательства, а в имущественных отношениях участвуют права в отношении такого объекта. Аналогичный подход допустим и в отношении цифровых валют, которые определены Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ как «совокупность электронных данных» и при этом одновременно отнесены к категории имущества⁷⁸, что не может не вызывать противоречий (принимая во внимание исключение информации из перечня объектов гражданских прав Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 231-ФЗ).

Разграничение информационно-правовой и иной отраслевой природы виртуальных объектов позволяет решить данную проблему, так как в таком случае (на примере цифровых валют) в гражданском обороте выступают не сами электронные (цифровые) данные, а информационные (цифровые) права в отношении них (право доступа к распределенной информационной системе, в рамках которой осуществляется оборот цифровой валюты, право восстановления доступа к учетной записи, необходимой для операций с цифровой валютой). Данный пример демонстрирует, что определение правовой природы и правового режима учетных записей выходит за рамки социальных сетей. Так, например, не меньшее значение имеет вопрос

⁷⁷ См. п. 1 Указа Президента Российской Федерации «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» № 445 от 03.07.2020, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007030012>

⁷⁸ См. п. 3 ст. 1, ст. 17, 19, 21, 22 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 259-ФЗ от 31.07.2020, <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056>

принадлежности криптокошелька (учетной записи на криптовалютной бирже) конкретному лицу, который нередко возникает в судебной плоскости, например в делах о банкротстве, в том числе в России⁷⁹.

Предложения по изменению законодательства РФ

С учетом полученных результатов и принимая во внимание особенности построения экономики данных, предлагается внести в Закон об информации следующие изменения.

Во-первых, закрепить легальное определение цифровых (электронных) данных и указать, что совокупность данных, обладающая индивидуализирующими признаками в информационной системе, может образовывать самостоятельные объекты правовых отношений (цифровые валюты, учетные записи, доменные имена, *NFT (non-fungible token)* и пр.) (ст. 2 Закона об информации).

Во-вторых, включить в текст закона бланкетные нормы, содержащие указание на то, что особенности правового режима отдельных видов цифровых (электронных) данных, а также особенности правового статуса их обладателей могут быть предусмотрены законодательством Российской Федерации (в том числе Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») и принятыми в его исполнение подзаконными актами (статьи 5–6 Закона об информации).

В-третьих, включить в текст закона нормы, направленные на признание прав обладателей учетных записей и их защиту, в соответствии с которыми:

- к пользователям социальных сетей — обладателям учетных записей применяются общие правила о правах обладателя информации (статья 6 Закона об информации);
- особенности использования учетных записей могут быть предусмотрены договором между пользователем и правообладателем социальной сети, с оговоркой, что условия указанного договора, противоречащие законодательству Российской Федерации и существу соответствующих отношений, не имеют правового значения и не подлежат применению (статья 5 Закона об информации).

Кроме того, целесообразно дополнить регулирование информационно-правового института доступа к информации применительно к учетным записям, предусмотрев правило, в соответствии с которым соглашением сторон не может быть ограничено право доступа к учетной записи и содержащейся в ней информации на сайте в сети Интернет, отнесенном к социальной сети в соответствии Законом об информации, в отношении наследников или законных представителей пользователя, в случае его гибели или признания недееспособным, частично дееспособным, безвестно отсутствующим или объявления умершим в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством (статья 8 Закона об информации).

В-четвертых, в целях обеспечения публичных интересов государства в информационной (цифровой) среде предусмотреть, что на правоотношения, связанные с оборотом цифровых (электронных) данных, выступающих в качестве товара, распространяется законодательство о защите конкуренции, противодействии коррупции, противодействии легализации доходов, полученных преступным путем (статья 5 Закона об информации). Дополнительно отметим,

⁷⁹ Панин, В. О. (2025). *Цифровая валюта и процедуры несостоятельности: хеджирование рисков*. ПРОбанкротство. <https://probankrotstvo.ru/articles/cifrovaia-valiuta-i-procedury-nesostoiatelnosti-xedzirovanie-riskov-9523>

что необходимость внесения изменений в гражданское законодательство в части расширения категории «цифровое право» является предметом дальнейших научных дискуссий.

Заключение

Подведем итоги настоящего исследования.

1. Учетные записи, в том числе в социальных сетях, следует рассматривать как объекты правового интереса, который может подлежать судебной защите. Научные подходы, отрицающие наличие у учетных записей характеристики объекта правовых отношений или рассматривающие их через призму права интеллектуальной собственности, в современных условиях следует признать подлежащими пересмотру.

2. Для обозначения лица, уполномоченного на осуществление наиболее полного контроля над учетной записью в информационной системе, в том числе в социальной сети, рекомендуется использовать термин «обладатель», который в действующем российском законодательстве воспринимается в двух значениях: как обладатель информации (в том числе данных) и как обладатель имущественного (в том числе цифрового) права, т.е. в информационно-правовом и гражданско-правовом смысле.

Аналогичный подход (восприятие через призму «обладателя») целесообразно применять к иным виртуальным объектам, например цифровой валюте, в отношении которой законодатель уже использует соответствующий термин.

Кроме того, с учетом комплексного характера правоотношений в цифровой среде термины «пользователь» и «правообладатель» также могут быть использованы в определенном контексте: слово «пользователь» для описания отношений субъектов (обладателей учетной записи) с правообладателем виртуальной среды по передаче неисключительных прав на использование такой среды, а «правообладатель» — в контексте прав лица в отношении результатов интеллектуальной деятельности, которые также могут быть выражены в конкретном виртуальном объекте, например в содержании учетной записи, на что указал Федеральный верховный суд Германии.

3. Предлагаемые в настоящей статье законодательные изменения позволят решить следующие критически важные задачи.

Во-первых, закрепить правомочия «владельцев» учетных записей в отношении принадлежащего им виртуального объекта (признав их обладателями соответствующего сложного объекта, образованного совокупностью информации в форме электронных данных), которые в настоящее время находятся вне сферы законодательного регулирования, в том числе:

- гарантировать право на цифровое (виртуальное) наследие посредством применения к обладателю учетной записи общих полномочий обладателя информации, в том числе по определению лиц, которым может быть предоставлен доступ к информации (п. 1, 3 ч. 3 ст. 6 Закона об информации), а также запрета на ограничение доступа к такой информации для наследников или законных представителей обладателя учетной записи;
- чрезмерно не ограничивать усмотрение правообладателей социальных сетей, которые самостоятельно определяют функционал конкретной социальной сети, влияющий на перечень прав обладателя учетной записи (например, права на использование и (или) продажу поддоменных имен, на создание сообществ в социальной сети, на использование виртуальной валюты). При этом пресекать недобросовестные практики в ситуациях, когда правообладатели виртуальных сред маскируют товарообменные отношения

под внутриигровые механики, правила игры и пр., посредством возможности неприменения соответствующих договорных условий по мотиву их ничтожности и противоречия существу регулируемых отношений⁸⁰.

Во-вторых, отразить, что виртуальные объекты как совокупность электронных данных могут рассматриваться в качестве товара, в связи с чем к регулированию соответствующих отношений применяются правила о защите конкуренции, противодействии коррупции и легализации доходов, полученных преступным путем.

Предлагаемые изменения позволят устранить ложное общее место о нематериальных виртуальных объектах, которые, по мнению отдельных исследователей, не могут выступать объектом правовых отношений, а также станут значимым шагом на пути разрешения существующих противоречий о построении правового регулирования таких объектов (например, каким видом имущества является цифровая валюта, какова правовая природа цифровых финансовых активов и доменных имен, является ли учетная запись объектом правовых отношений, и т.д.).

4. Подчеркнем, что объектом информационного права и правового интереса выступают сами виртуальные объекты (например, учетные записи, доменные имена, наименования учетных записей, виртуальные предметы, цифровые валюты и пр.). *При этом в отношении таких объектов возникают информационные права (правомочия)*, например право обладания учетной записью, право доступа к учетной записи, право обладания цифровой валютой и пр. *Указанные информационные права для целей участия в имущественных отношениях следует рассматривать в качестве имущественных прав* (в том числе цифровых прав). Это означает, что в экономических отношениях юридически участвуют не сами виртуальные объекты, а информационные права на них, приобретающие гражданско-правовую характеристику (по аналогии с участием в обороте исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, а не самих таких результатов, при одновременно признании за последними характеристики объекта гражданских прав).

Список литературы / References

1. Agaeva, V. V. (2023). Razdel akkaunta v sotsial'noy seti pri prekrashchenii brachno-semeynykh otnosheniy [Division of a social media account upon termination of marital and family relations]. *Vestnik Prava*, (4), 4–8.
2. Bachilo, I. L., Polyakova, T. A., Antopol'skiy, A. A., Dem'yanets, M. V., Zharova, A. K., Monakhov, V. N., Semiletov, S. I., & Talapina, E. V. (2017). Ob osnovnykh napravleniyakh razvitiya informatsionnogo prava za 2000–2015 gg. [On the main directions of the development of information law in 2000–2015]. *Gosudarstvo i pravo*, (1), 71–79.
3. Baturin, Y. M. (2022). *Ot Interneta do virtual'noi Zemli i metaveselennoy: Kratkaya istoriya informatsionnykh tekhnologiy na kriticheskom rubezhe* [From the Internet to the virtual Earth and the metaverse: A brief history of information technologies at a critical juncture]. IJET RAN, AmirIT.
4. Doiev, A. M. (2023). On the concepts of virtual “things” and “thing-ness”. *Digital Law Journal*, 4(3), 8–15. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-8-15>
5. Fairfield, J. A. T. (2023). “Veshchnoe” pravo virtual'nykh “veshchey” [Property as the law of virtual things] (A. M. Doiev, Trans.). *Digital Law Journal*, 4(3), 16–39. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-3-16-39>

⁸⁰ Аналогичным образом следует пресекать недобросовестные действия работодателей, единоличных исполнительных органов и иных лиц, направленные на уход от ответственности и (или) незаконное получение учетной записи в обладание. Однако решать указанные вопросы необходимо посредством инструментов отраслевого законодательства (гражданско-правового, трудового, законодательства о несостоятельности и пр.) по аналогии с рассмотренными судебными делами в США и РФ.

6. Fedorov, A. M. (2023). Ponyatie i pravovaya priroda akkaunta v sotsial'noy seti [The concept and legal nature of a social media account]. *Yuridicheskaya Nauka*, (8), 151–155.
7. Grin', E. S. (2022). Nasledovanie akkauntov v sotsial'nykh setyakh: Rossiyskiy i zarubezhnyy opyt [Inheritance of social media accounts: Russian and foreign experience]. *Actual Problems of Russian Law*, (2), 128–134. <https://dx.doi.org/10.17803/1994-1471.2022.135.2.128-134>
8. Kholodnaya, E. V. (2024). O pravovoy kontseptsii metaversey [On the legal concept of metaverses]. *Lex Russica*, 77(3), 116–128. <http://dx.doi.org/10.17803/1729-5920.2024.208.3.116-128>
9. Krause, D. (2024). *Web3 and the decentralized future: Exploring data ownership, privacy, and blockchain infrastructure*. Social Science Research Network. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.5064483>
10. Khromov, E. V., & Zyablikov, V. Yu. (2024). Khishchenie bestelesnogo imushchestva [Theft of incorporeal property]. *Ugolovnoye Pravo*, (8), 46–67.
11. Kryuchkova, A. D. (2021). Pravovaya priroda Instagram-akkaunta i problema razdela dannogo “imushchestva” [The legal nature of an Instagram account and the problem of dividing this “property”]. *Voprosy Rossiyskoy Yustitsii*, (14), 233–241⁸¹.
12. Kuznetsov, P. U. (2005). *Teoreticheskie osnovaniya informatsionnogo prava* [Theoretical foundations of information law] (Dr. Sci. dissertation, Ural State Law University).
13. Mityagin, K. S. (2014). Pravovaya priroda stranitsy sotsial'noi seti [Legal Nature of a Social Network Page]. *Zhurnal Suda po Intellektual'nyim Pravam*, (5), 74–77. <https://ipcmagazine.ru/articles/1729162/>
14. Naumov, V. B. (2018). Negativnyye zakonomernosti formirovaniya ponyatiynogo apparata v sfere regulirovaniya Interneta i identifikatsii [Negative regularities in the formation of the conceptual apparatus in the field of Internet regulation and identification]. *Informatsionnoye Pravo*, (1), 32–39.
15. Panin, A. V. (2022). Pravovoy rezhim virtual'nykh ob'yektov v informatsionnoy sfere [Legal regime of virtual objects in the information environment]. *Trudi po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*, 43(4), 43–55. <https://doi.org/10.17323/tis.2022.16351>
16. Polyakova, T. A., & Troyan, N. A. (2025). Informatsionnoye pravo i tsifrovaya real'nost': razvitiye, priority i problemy v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Information law and digital reality: Development, priorities and problems within digital transformation]. *Pravovaya informatika*, (2), 31–41.
17. Polyakova, T. A., Minbaleyev, A. V., & Naumov, V. B. (2025). Sovremennyye priority razvitiya informatsionnogo prava: pravovoye obespecheniye gosudarstvennogo suvereniteta i informatsionnoy bezopasnosti v informatsionnom prostranstve Rossii [Modern priorities for the development of information law: Legal support for state sovereignty and information security in the information space of Russia]. *Gosudarstvo i pravo*, (1), 160–173.
18. Rozhkova, M. A. (2024). *Nematerial'nye ob'yekty i imushchestvennye prava na nikh v sisteme absolyutnykh prav* [Intangible objects and property rights to them in the system of absolute rights]. GAUGN Press.
19. Severgin, A. D. (2023). Pravovaya priroda metaversey [The legal nature of the metaverse]. *Digital Law Journal*, 4(4), 36–53. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2023-4-4-1>
20. Shipikova, A. G. (2024). Podkhody k opredeleniyu tsifrovogo ob'yekta i tsifrovogo aktiva [Conceptual approaches to defining digital objects and digital assets]. *Digital Law Journal*, 5(2), 53–68. <https://doi.org/10.38044/2686-9136-2024-5-2-1>
21. Stepin, V. S. (2010). *Istoriya i filosofiya nauki: Uchebnik* [History and philosophy of science: Textbook] (3rd ed.). Akademicheskii Proekt.

⁸¹ Правообладатель данной социальной сети — компания *Meta* — признан в Российской Федерации экстремистской организацией. Упоминание данных сведений носит исключительно научный характер и необходимо для целей исследования.

22. Strel'tsov, A. A. (2019). O predmete i metode informatsionnogo prava [On the subject and method of information law]. *Informatsionnoe pravo*, 62(4), 4–11.
23. Tereshchenko, L. K. (2022). Transformatsiya ponyatiynogo apparata informatsionnogo prava v usloviyakh tsifrovizatsii [Transformation of the conceptual framework of information law in context of digitalization]. *Journal of Russian Law*, 26(12), 98–110. <http://dx.doi.org/10.12737/jrl.2022.131>

Сведения об авторе:

Панин В. О. — младший научный сотрудник, Сектор информационного права и международной информационной безопасности, Институт государства и права Российской академии наук; ведущий юрист-консульт, юридическая компания «К12», Москва, Россия
valeri-panin@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9022-323X>

Information about the author:

Valerii O. Panin — Junior Research Fellow, Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; leading legal adviser, K12 Law Firm, Moscow, Russia.
valeri-panin@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9022-323X>